

Фанатизм и терроризм: общее и особенное

В статье ставится и решается проблема понятийного определения фанатизма и терроризма, выводятся их важнейшие характеристики как деструктивных феноменов сознания и социальной практики. Через анализ логики и закономерностей развития и освещение функций фанатизма и терроризма в статье устанавливаются их общие и отличительные особенности.

Ключевые слова: *фанатизм, терроризм, террор, экстремизм, радикализм, идеология, убежденность, поведение, агрессия, насилие, страх, деструкция.*

At this article we put and decide the problem of conception of definition of fanaticism and terrorism, conclude their the main characteristics as destructive consciousness's phenomenon and social practice. In this article general and distinctive peculiarities are settled through analyze of logic and regularities of development and interpretation functions of fanaticism and terrorism.

Key words: *fanaticism, terrorism, terror, extremism, radicalism, ideology, conviction, behavior, aggression, violence, fear, destruction.*

Термины «фанатизм» и «терроризм» столь часто используются, что стали неотъемлемой частью **жаргона** ??? конца XX – начала XXI веков. Действительно, и фанатизм, и терроризм сегодня выступают теми из факторов, которые дестабилизируют жизнь современного общества, подрывает устойчивость современного развития, выступая основой, источником, формами проявления экстремизма.

Проблема понятийного определения таких социальных явлений как фанатизм и терроризм связана, как минимум, с двумя специфическими трудностями: во-первых, трудно однозначно определить круг явлений квалифицируемых как фанатизм или же терроризм, т. е. вычленив сам предмет исследования. Во-вторых, сущность фанатизма и терроризма маскируется или скрывается за абстрактными определениями, фокусирующимися на ярких внешних чертах этих явлений. Чтобы понять их сущность необходимо рассмотреть во взаимосвязи друг с другом характеристики этих феноменов специфических состояний индивидуальной психики, как специфических форм поведения и как специфических форм массового, коллективного сознания и поведения. При этом нельзя забывать и о том, чтобы сверять наши теоретические построения с реальным предметом – реальными проявлениями фанатизма и терроризма.

Мы исходим из того, что есть круг явлений относимых к фанатизму и терроризму (объективный предмет исследования), и есть набор дефиниций этого круга явлений, предмета. Степень соответствия между предметом и дефинициями, степень отражения в дефинициях сущности предмета есть развивающаяся в ходе теоретического познания и углубления в предмет величина. Социальная сущность исследуемых феноменов раскрывается через анализ конкретной социально-исторической почвы, порождающей такие формы сознания и социальной деятельности, как фанатизм и терроризм, а также через анализ логики и закономерностей их развития и их социальных функций.

Первой важнейшей характеристикой фанатизма и терроризма как психических складов личности является специфическая направленность личности. Необходимо отметить, что вне определенного мировоззрения и возникающей на его основе направленности личности, говорить о фанатизме или же терроризме невозможно. Первичным элементом и ключевой предпосылкой этих деструктивных социальных явлений является специфическая идеология, лежащая в их основе, выступающая их ядром.

Не останавливаясь на детальном анализе особенностей фанатической идеологии, мы отметим, что это извращенная фантастическая программа преодоления острого конфликта между интересами определенной социальной группы и ее социальными оппонентами, неадекватная форма разрешения нетерпимого исторического социального положения определенной социальной группы. Можно сказать так, что любая идеология,

содержащая в себе элементы антигуманизма, потенциально содержит в себе ростки фанатизма, но они не всегда достигают полного развития. Чтобы она превратилась в фанатическую идеологию, эти ростки должны быть акцентуированы, культивированы специальными идеологами и внедрены в подготовленное к их восприятию массовое сознание людей. А важным условием такой подготовки является чрезвычайная историческая ситуация, угрожающая жизни человека, в которой он не видит из нее конструктивного выхода.

Фанатическая убежденность складывается на почве «иррационального», мистического откровения или интуиции, заменяющей и рациональное познание реальности, и логическое рассуждение, т.е. на почве различного рода отклонений и нарушений от нормальной логики рассуждения и познания реальности. Для человека с активной жизненной позицией существует историческая гибкость в реализации своих взглядов в соответствии с историческими условиями. Для фанатика ни гибкости, ни широты, ни глубины мировоззренческого познания нет. Он реализует свои идеалы без учета исторической реальной ситуации и часто даже вопреки ей. Для гуманиста кроме деятельности реализации своих социально-политических убеждений существует еще другая творчески плодотворная деятельность и цели. Для фанатика реализация его фанатических убеждений становится единственным содержанием личной жизни. Гуманист открыт для диалога и компромисса, фанатик закрыт для подобного. То есть мы видим, что фанатическая убежденность и активная жизненная позиция принципиально различаются по содержанию убеждений и по способу их формирования, а также по способу реализации убеждений в поведении человека.

Фанатическая направленность имеет социальные причины. Это «нормальная» реакция нормального человека на ненормальную историческую ситуацию. Если в необычной чрезвычайной ситуации человек себя ведет необычно, то это как раз нормальное отклонение от обычного поведения. Будучи создана нормальными людьми в ненормальных обстоятельствах, фанатическая идеология, чем прочнее она овладевает сознанием человека, тем сильнее способствует развитию у него именно синдрома сверхценной идеи реформаторства. То есть фанатическая направленность личности на определенной количественной ступени формирования фанатической убежденности может переходить в синдром сверхценной идеи реформаторства. Провести эту грань в каждом конкретном случае не так просто, но индикатором перехода фанатической направленности в синдром реформаторства является, по нашему мнению, уровень и характер реформаторской активности человека. Фанатическая убежденность является нормальной, экстраординарной реакцией личности на ненормальные, экстраординарные жизненные обстоятельства. Синдром сверхценных идей может возникать как ненормальная реакция на обычные, нормальные, не критические жизненные обстоятельства.

Когда создается фанатогенная историческая ситуация, т. е. когда массы, целые социальные группы или народы находятся в нестерпимом положении и не видят выхода из него, тогда особо чувствительные, склонные к соответствующим психическим отклонениям люди становятся индукторами фанатической идеологии и фанатического массового сознания. Индукторы, начиная создание фанатической идеологии, отличаются лишь особой чуткостью и предрасположенностью к отклонениям. Но по мере погружения в создаваемую ими фанатическую идеологию, они могут стать действительно психически больными, переходя от легких форм к более тяжелым. Поэтому, говоря об индукторах фанатической идеологии, мы можем оценить степень превращения фанатической направленности в устойчивое психическое отклонение. В любом случае опасность перехода фанатической убежденности в психическое отклонение для них существует.

Рассматривая специфику эмоциональных переживаний фанатика-террориста, мы можем говорить о том, что оно порождается ситуацией фрустрации или конфликта, но с указанными нами особенностями. Основу критической ситуации, рождающей специфические эмоциональные переживания, составляет конфликт между фанатическими убеждениями и внешним миром, т. е. между утопическими и обычно извращенными идеальными представлениями фанатика о социальном устройстве и наличной, конкретной социальной действительностью. Если внутренний мир фанатика-террориста прост и непротиворечив, то внешний мир для него оказывается сложной преградой, поскольку он осознает несоответствие этого внешнего мира своим идеалам. Именно столкновение простого внутреннего мира и трудного внешнего мира определяет специфику жизненного переживания фанатично детерминированного террориста.

Третьим необходимым элементом особого психического склада личности фанатика-террориста является его специфическое поведение. Набор типичных действий фанатика-террориста достаточно широк, но все эти действия можно разделить на две группы: первая – действия, направленные на причинение вреда и страданий другим людям, «врагам» и «враждебной среде» (внешняя агрессия); вторая – действия, направленные на причинение вреда и страданий самому себе или своим единомышленникам (внутренняя агрессия). К числу упоминаемых в литературе актов внешней агрессии относятся: погромы, диверсии, шантаж, взятие заложников, убийства, ограбления, массовые беспорядки, уничтожение материальных ценностей и культурных произведений и т. п., в общем, различные формы разрушительных действий. К числу актов внутренней агрессии относятся различные формы самоистязаний, постов, отшельничества, ритуальные самоубийства разными способами (чаще всего это самосожжение, индивидуальное или коллективное).

Но научный анализ не может останавливаться лишь на самих поступках, действиях фанатика-террориста, ибо в них самих по себе еще никак не проявляется специфика его поведения. Подобные поступки могут совершать и совершают не обязательно и исключительно фанатики-террористы. Первое, что бросается в глаза при оценке поведения фанатичного террориста – это агрессивность, активное стремление к разрушению существующего общества, к нанесению ему наибольшего ущерба. Этот мотив подсознательно или сознательно маскируется им конструктивным мотивом созидания «правильного общества». Поскольку прежде, чем строить правильное общество нужно разрушить существующее, постольку конструктивная мотивация не играет никакой роли в реальном поведении фанатичного террориста. «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим...». В этих словах «Интернационала» получила поэтическое выражение именно мотивация социальной агрессивности фанатика-террориста, для которого смысл жизни заключается в вечной борьбе, в агрессии, а потому «затем» для него никогда не наступает.

Суть фанатической деятельности хорошо выражена в краткой заповеди террориста С.Г. Нечаева: «Задача состоит в разрушении всего, в отрицательной деятельности». Действительно, всплески фанатизма часто наблюдаются в революционные и переходные периоды истории, когда часть общества, не удовлетворенная приобретенным, жаждет преобразований и стремится возбуждать недовольство масс, формируя фанатичное сознание. Инверсия фанатизма осуществляется разными способами. С одной стороны, культивируется безадресный фанатизм, фанатизм как таковой, когда неприятие чужого принимается как норма. Для фанатичного восприятия в действительности все должно казаться неприемлемым, неразумным. Становление такого фанатизма зиждется на неумении или нежелании называть вещи своими именами, неспособности воспринимать жизнь таковой, каковой она является, на склонности к эвфемизмам.

Если рассматривать действия фанатичного террориста со стороны результатов, то бросается в глаза их иллюзорность. Они никогда не ведут у желаемому успеху, если под объективными результатами иметь ввиду реальное изменение общества, но они ведут к «субъективному» успеху. В извращенном представлении террориста они субъективно успешны, а объективный успех не входит в систему его оценки. Для него не столько важен реальный результат, сколько сам факт действия, выражающий его сопротивление, его непримиримую борьбу с существующим социальным порядком. Отсюда не критичность в оценке результатов действия и отсутствие объективной обусловленной этими результатами коррекции поведения. В этом-то и проявляется иллюзорность действий фанатика. Они объективно неуспешны, но субъективно успешны. Единственная коррекция связана лишь с укреплением этой иллюзии. Такое поведение дает иллюзорное разрешение нетерпимой социальной ситуации, ибо не конструктивно преобразует среду, а либо разрушает ее отдельные частные элементы или носителей, не затрагивая ее основ, либо выражается в мнимом «уходе» из этой нетерпимой ситуации. Но ценой ухода являются кроме массы неудобств и страданий, также и психическое искажение личности, ее социальная деградация и дезадаптация.

По своей сути фанатизм есть иллюзорно-деструктивная форма социальной революции. Фанатизм деструктивен, ибо разрушает личность, уничтожает отдельных людей и отдельные элементы социальной реальности, но не меняет в принципе социальную систему и саму экстремальную социальную ситуацию, а лишь ухудшает, драматизирует эту ситуацию, обостряет ее, доводя до абсурда, и тем самым исчерпывает себя. Фанатизм – это жгучее желание и страстная попытка переделать невыносимый мир, направляя усилия не на корни негативной ситуации, не на суть неприемлемой социальной системы, а на определенных ее носителей или представителей (чаще всего без вины виноватых) и на второстепенные, внешние формальные признаки социальной системы. Фанатизм одержим иллюзорной идеей преобразования мира по своему иллюзорному идеалу, и поэтому он есть форма массовой психопатологии.

Обобщая наш анализ сущности феномена фанатизма, мы можем определить его как иллюзорно-деструктивную форму социальной практики. Фанатизм – это иллюзорно-деструктивный способ социального действия, осуществляемый людьми фанатического склада психики, объединяющимися в фанатическое сообщество или организацию, характеризующийся антигуманными целями, средствами и действиями, направленный на насильственное преобразование социальной действительности в соответствии с антигуманными и абсолютно утопическими идеалами, не считаясь ни с какими жертвами, на уничтожение неприемлемой для фанатиков социальной реальности и уничтожение, порабощение или обращение в свою веру неприемлемых для фанатиков социальных групп.

Мы увидели, что между понятиями «фанатизм» и «терроризм» много общего, все активные формы деструктивных террористических действий являются наиболее характерными и для фанатического поведения. Но в общетеоретическом плане эти понятия не являются тождественными. Потому нам следует развести их, обратив внимание на те отличия, которые можно обнаружить между этими феноменами.

Для начала отметим, что общепринятого определения терроризма и даже четкого разграничения понятий «террор» и «терроризм» в современной литературе не существует. В словаре С.И. Ожегова дается следующее определение: «Террор – 1) устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения; 2) жестокое з, апугивание, насилие»⁵⁸. В «Словаре иностранных слов» дается такое определение: «Террор – политика устрашения, подавления политических

⁵⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – С. 794.

противников насильственными мерами»⁵⁹. В электронном словаре «Кирилл и Мефодий» террор определяется как политика насилия и устрашения, применяемая к гражданам со стороны государства или к власти со стороны оппозиции. В Уголовном кодексе Российской Федерации дается юридическая квалификация террористических действий. Терроризм там определяется как «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»⁶⁰.

Обязательными признаками террора во всех определениях являются насилие, запугивание, страх. Поэтому Д.В. Ольшанский в своем исследовании «Психология террора» дает следующее его определение: «Террор – это и есть возникающий в результате некоторых действий (прежде всего насилия) ужас от утраты человеком спокойствия или безопасности. Таким образом, с психологической точки зрения, террор – это состояние очень сильного страха (ужаса), возникающее как реакция на нечто (некоторые действия), имеющее целью вызвать именно это состояние у тех, в отношении кого осуществляются данные действия, или же тех, кто является их свидетелем. Значит, террор есть цель и результат ...используемых для их достижения действий и методов. Террор складывается из террористических актов – отдельных слагаемых, звеньев, компонентов, способов и инструментов террора»⁶¹.

Попытаемся выделить существенные черты этого многосложного явления, а также четко логически разграничить понятия «террор» и «терроризм». Террор, как нам кажется, можно определить как способ политического действия, состоящий в угрозах применения и реальном применении грубых, прямых, физических или психологических насильственных действий против противников с целью их запугивания и подавления у них способности к сопротивлению. Когда такие действия становятся организованной системой, функцией определенной общественно-политической организации (государственной или оппозиционной), тогда можно говорить о терроре как особой политике, т. е. организованной системе террористических действий.

Понятие «терроризм» логически более широкое и характеризует не только сам способ террористического действия, но и террористические действия в контексте социально-исторической практики в целом. Терроризм включает в себя и террористические действия, и формы их социальной организации, их социально-историческое содержание и происхождение, а также субъекты и объекты террористической деятельности. Следовательно, терроризм можно определить как специфический способ политической деятельности, состоящий в применении определенными социальными группами методов террора в борьбе с политическими противниками для достижения своих социально-политических целей. Конкретное содержание терроризма уточняется, когда мы анализируем не столько сами террористические действия, сколько субъекты и объекты этих действий, а также социальную организацию и политическую программу террористов.

Если учесть социальное содержание мотивации террористических действий и диктуемые этой мотивацией конкретные цели, то мы сможем провести различие между терроризмом и фанатическим поведением. Если в основе террористических действий лежит реалистическая социально-политическая программа и эти действия направлены на борьбу за власть (за ее захват или удержание), то можно говорить о политическом терроризме. Если же в основе мотивации террористических действий лежит фанатиче-

⁵⁹ Словарь иностранных слов. – М., 1994. – С. 605.

⁶⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2002. – С. 87.

⁶¹ Ольшанский Д.В. Психология террора. – С. 16.

ская идеология, которой диктуется расплывчатая цель деструкции существующего социального порядка, то мы должны говорить о фанатическом терроре.

Фанатический террор обычно более масштабен, жесток и деструктивен, чем политический террор. Для фанатика террористические действия выступают как один из способов реализации своих фанатических убеждений, способов борьбы с «неправильным» миром. В фанатическом терроре акцент смещается с цели на сами разрушительные действия, на насилие ради насилия, прикрываемого абстрактно-утопическими идеалами фанатика, в которые он, однако, абсолютно верит. Фанатики могут избирать и другие способы действия, кроме прямых деструктивных действий, пересекающихся с террором. Итак, очевидно, что **не все террористы фанатики и не все фанатики террористы**. Однако террор – самый распространенный из наиболее адекватных видов действия фанатиков, хотя и не единственный. Следует отметить, что деструктивные действия фанатиков не исчерпываются лишь террором и даже не акцентируются на целях устрашения и запугивания своих противников, а совершаются ради самого разрушения.

В политической борьбе нередко политические деятели сознательно или бессознательно культивируют в народных массах и в своих политических соратниках, а иногда и в самих себе, фанатизм как один из эффективнейших способов психолого-идеологического обеспечения терроризма. Это обычно происходит в моменты крайнего обострения политической борьбы, и тогда политический терроризм может переродиться в фанатический терроризм, что чревато самыми негативными последствиями и для его субъектов, и для объектов. Ведь в политическом терроре сохраняются рациональная цель и рациональная мера, а в фанатическом терроре доминирует иррациональная и тотальная деструкция, не только уничтожение материально-культурных ценностей, но и прямой и бессмысленный геноцид населения, а также личностная деградация субъектов фанатического террора. Фанатический террор можно, таким образом, назвать наиболее деструктивным видом фанатического действия.

Тесную связь фанатизма и терроризма отмечает Д.В. Ольшанский: «Фанатизм часто опирается на идейный радикализм и экстремизм и обычно лежит в основе реального терроризма – насильственных действий, совершаемых во имя и ради распространения разделяемых им идей. Это не значит, **что всякий фанатик – террорист, но большинство террористов – это фанатики**. Преданность исключительно своим, вполне определенным убеждениям обычно сочетается у фанатиков с нетерпимостью ко всем инакомыслящим, крайним пренебрежением к существующим юридическим и этическим нормам, препятствующим достижению некой цели, непонятной и недоступной для «непосвященных», но сверхценной для фанатика»⁶².

Террор вообще порожден социальным страхом от безысходности или остроты социально-политической ситуации и является парадоксальным способом избавления от страха путем приведения в состояние ужаса тех, кто вызывает этот страх. Очень ярко показал этот феномен, что собственный страх рождает действия по устрашению источников страха, эту внутреннюю психологическую анатомию терроризма П.Н. Ткачев в своей статье «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного освобождения России». «Как ужасен, как всемогущ и всемогущ должен быть *страх*, доведший тысячи, сотни тысяч людей до такого нравственного падения и вырождения, до такого нравственного уродства! Извращая и искажая нравственную природу человека, страх этот является в то же время одною из самых могучих и непоколебимых опор самодержавной власти полицейско-буржуазного государства. В сущности говоря, ...последнее им только и сильно; исчезни страх из сердца верноподданных, и самодержавное государство не могло бы просуществовать и дня. Потому-то все усилия людей,

⁶² Ольшанский Д.В. Психология террора. – С. 235.

понимающих и сознающих весь ужас и всю невыносимость современного положения России, людей, искренно любящих народ и стремящихся к экономическому, политическому и нравственному возрождению своей родины, все усилия этих людей ...должны быть направлены к освобождению русского человека из-под гнета оболванивающего и оскотинивающего его страха. Только освободившись хотя отчасти от этого страха, он в состоянии будет нравственно возродиться, он осознает свои права, осознает всю унижительность своего рабства и делается способным к активной борьбе со своими тиранами, кровопийцами и эксплуататорами»⁶³.

Чтобы избавиться от этого страха, надо запугать его источники, т. е. врагов, вызывающих этот страх. «Единственно практическое, единственно действительное средство достигнуть политического и социального возрождения России состоит в том, чтобы освободить верноподданных от гнетущего их страха перед «властью предержажею», и только тогда, когда они освободятся от этого страха, в них проснутся человеческие чувства, в них пробудится сознание их человеческих прав; у них явится и желание, и сила, и энергия бороться за эти права... А так как сила гнетущего их страха прямо пропорциональна силе, дисциплине и организации «предержажей власти», то отсюда само собою следует, что для ослабления первой, т. е. силы страха, необходимо ослабить, расшатать, дезорганизовать силу второй, т. е. данной государственной власти. Достигнуть же последней цели, т. е. дезорганизовать и ослабить правительственную власть при существующих условиях политической и общественной жизни России, возможно лишь одним способом: терроризированием отдельных личностей, воплощающих в себе, в большей или меньшей степени, правительственную власть. Скорая и справедливая расправа с носителями самодержавной власти и их клеветами производит на эту власть, как доказали события последнего времени, именно то действие, которое, с точки зрения истинных интересов верноподданных, должно быть для последних наиболее желательным. Она ослабляет эту власть, нагоняет на нее панику, расстраивает ее функции, заставляет ее – в буквальном смысле этого слова – терять голову. В то же время она умаляет ее авторитет и разрушает ту иллюзию *неприкосновенности самодержавия*, в которую так искренне верит большинство верноподданных. Иными словами, революционный терроризм, дезорганизуя, ослабляя и запугивая правительственную власть (или, что все равно, носителей этой власти), тем самым содействует высвобождению верноподданных из-под гнета оболванивающего и оскотинивающего их страха, т. е. содействует их нравственному возрождению, пробуждению в них, забытых страхом, человеческих чувств; возвращению образа и подобия человеческого»⁶⁴.

Так собственный страх перед неприемлемой социально-политической системой рождает террор против этой системы. Однако П.Ткачев, как и все террористы, уповающие на запугивание политических противников, ошибочно полагает, что запугиванием врагов можно излечиться от собственного страха. Террор порождает лишь эскалацию страха и нарастание масштабов террора, и он вовсе не исправляет и не воспитывает личность революционера-борца, а напротив, ведет к ее нравственной деградации и даже к психическим заболеваниям.

Однако для фанатика есть и другой, менее, как нам кажется, деструктивный способ действия. Второй вид фанатических действий – это формы пассивной деструктивной агрессии, т. е. различные способы социальной самоизоляции фанатиков: от индивидуального и коллективного отшельничества до самоистязаний. Причем самоизоляция всегда демонстративна, хотя фанатики-изоляционисты лицемерно избегают рекламы и связей с обществом. На самом деле изоляция никогда не может быть полной, и самим

⁶³ Ткачев П.Н. Терроризм, как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – С. 150.

⁶⁴ Там же. 152-153.

фактом своего существования фанатическое сообщество бросает вызов существующему социальному порядку и самой логикой своего развития втягивается в активную борьбу с ним. С другой стороны, террористические активные методы фанатического действия ведут к социальной самоизоляции террористических фанатических организаций. А крайняя форма пассивной деструкции – это самоубийство, как индивидуальное, так и коллективное. В этом случае делается акцент на «конструктивной цели» создания правильного общества в отдельно взятом месте. Это «общество» может состоять из одного человека или из группы единомышленников.

Предпосылки фанатического поведения обнаруживаются не только вне человека, в социокультурной среде, но и внутри самого человека. Они во многом определяются его психофизиологическими особенностями. Сегодня известно, что многие фанатично настроенные группы террористов, разбросанные по всему миру, совершенно не озабочены идеологическим обоснованием своей деятельности. Для них конкретные действия важнее идеологии. Американская исследовательница М. Креншо утверждает, что в иных случаях «существует просто идеологическое обрамление террористических групп (сюрреалистическая идеология), когда меняются идеи и даже забываются первоначальные цели борьбы. Идеология террористов может модифицироваться в зависимости от контекста той политической среды, в которой они действуют»⁶⁵.

Фанатичный террорист 60-х годов прошлого века Антонио Негри признавался в том, что уничтожение и разрушение часто становились для него самоцелью, наиболее приятным и необходимым психологическим состоянием. «Результат меня не волнует, – заявлял он, – всякий акт разрушения и саботажа отзывается во мне как голос классовой общности. Возможный риск меня не тревожит, напротив, я ощущаю лихорадочное возбуждение, как если бы я ожидал встречи с любовницей»⁶⁶.

Фанатическое поведение вызывается не только нетерпением или незнанием, но часто простым желанием рискнуть. Стремление к риску стимулирует фанатизм. Проводники фанатизма постоянно балансируют на грани дозволенного, «жонглируют» добром и злом. Это способствует деформации их сознания, которая в свою очередь ведет к отчуждению от культурных и нравственных норм. Извращенное сознание фанатика ведет свою игру на грани флага. Фанатик в попытках самоутверждения, в погоне за острыми ощущениями вынужден постоянно рисковать, повышая степень своего эмоционального возбуждения. Он начинает с вызывающего поведения, с неосторожных и необъяснимых поступков, а затем доходит и до откровенного экстремизма. И этот вирус фанатизма может захватить окружающих его людей, особенно еще не окрепшие юные души, отравить их существование.

Среди объективных причин распространения идеологии фанатизма следует выделить социальные процессы и сдвиги, миграцию и урбанизацию, обострение демографической проблемы, резкую ломку традиционных ориентиров и ценностей, привычного образа жизни. Это в свою очередь вызывает трудности психологической адаптации человека к социальной и природной среде. Особую роль в распространении фанатизма и нетерпимости играют сегодня средства массовой информации, которые романтизируют и эстетизируют различного рода крайности в поведении и во взглядах. Создается впечатление, что деятельность фанатиков выгодна для средств массовой информации. И вместе с тем многие фанатики проводят те или иные акции в надежде на то, что средства массовой информации оповестят весь мир о них и их деятельности. Без этой надежды многие их акции потеряли бы смысл и не стали бы проводиться. Деятельность фана-

⁶⁵ Креншо М. Терроризм и международное сотрудничество: Реферат ИНИОН АН СССР. – М., 1990. – С. 6.

⁶⁶ См.: Витюк В.В., Эфирова С.А. Левый терроризм на Западе: История и современность. – М., 1987. – С. 262.

тиков, романтизированная средствами массовой информации, вызывает сильные эмоции и переживания. «Скромное обаяние» фанатизма объясняется и тем, что многие достижения культуры и творчества связаны с деятельностью преданных своему делу личностей, которых часто называют фанатиками. Иногда стремление уйти от рутины жизни действительно толкает человека к фанатичной увлеченности каким-либо делом или идеей. Однако такую позитивную увлеченность конкретным делом нельзя отождествлять с фанатизмом как деструктивной формой деятельности человека.

Фанатизм и терроризм в современном обществе перестают быть необходимыми типами поведения. Связано это с тем, что возрастающая плюралистичность общества ведет к сужению сферы единообразного поведения личности, подчиняющегося непреложным и общеобязательным нормам поведения. Наряду с общими правилами поведения, соблюдение которых превращает отдельную личность в члена того или иного сообщества, возникают и утверждаются более размытые нормы и ценности, являющиеся условием оригинального и разноликого поведения. Современное общество расширяет пределы допустимого поведения, разномыслия, инаковерия, которые не только не ставят под угрозу существование социума, но и повышают его жизнеспособность. Речь здесь идет о допустимых и неизбежных в определенных пределах отклонениях и определении самих пределов, за рамками которых лежит неприемлемое и нетерпимое. Но это уже другая проблема.

Литература

1. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – С. 794.
2. Словарь иностранных слов. – М., 1994. – С. 605.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2002. – С. 87.
4. *Ольшанский Д.В.* Психология террора. – С. 16.
5. *Ольшанский Д.В.* Психология террора. – С. 235.
6. *Ткачев П.Н.* Терроризм, как единственное средство нравственного и общественного возрождения России // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – С. 150.
7. Там же. 152-153.
8. *Креншо М.* Терроризм и международное сотрудничество: Реферат ИНИОН АН СССР. – М., 1990. – С. 6.
9. *Витюк В.В., Эфиров С.А.* Левый терроризм на Западе: История и современность. – М., 1987. – С. 262.